НИКОЛАЙ СЛОНОВ, ТАМАРА ФОКИНА

Первый космонавт планеты: очищение имени

Казалось бы, Россия должна дорожить своим приоритетом в области полетов человека в космос. Но результаты известного социологического проекта 2008 года «Имя России — исторический выбор» оказались неожиданными и жесткими: за Юрия Гагарина проголосовал только один из 58 россиян (770 209 из 4 4569 665 голосовавших), а само его имя даже не попало в первую дюжину списка. И нас уже не удивляет, что недавний 75-летний юбилей со дня рождения космонавта (9 марта 2009 года) прошел почти незамеченным. Никаких общественно значимых акций российского масштаба. Большинство центральных газет фактически обошли молчанием юбилейную дату. Телевидение показало два скромных документальных фильма: «Улыбка Гагарина» и «Гагарин. Сын, брат, отец». Весьма скромными были и локальные юбилейные мероприятия в местах, связанных с жизнью и деятельностью космонавта: в областном Музее краеведения (Саратов) прошло собрание общественности, а на стене общежития Профессионально-педагогического колледжа имени Ю. А. Гагарина при участии гурбернатора П. Ипатова была открыта мемориальная доска.

Очевидно, что в российском общественном мнении образовался ценностный разрыв между образами гагаринского полета и самого космонавта. В крайней форме он выражается во мнении, будто заслуга первого космонавта невелика, что вовсе не соответствует действительности. Именно поэтому мы и хотим разобраться, как формировался и в каком направлении эволюционировал имидж первого полета человека в космос.

Первый полет в космос: исходный имидж

Задолго до появления авиации творческий человеческий дух стремился в космическое небо. Причем важно было не просто попасть на «космическую» высоту, не доступную самолетам (она могла быть достигнутой, например, в результате полета по баллистической траектории), а именно выйти на орбиту и

СЛОНОВ Николай Николаевич — кандидат философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжской академии государственной службы имени П. А. Столыпина.
ФОКИНА Тамара Петровна — кандидат философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжской академии государственной службы имени П. А. Столыпина.

сделать на ней хотя бы один виток вокруг Земли. Первые шаги человечества в космос выглядели прежде всего как технические достижения — полеты первого искусственного спутника земли (4 октября 1957 года) и направление к Луне космических аппаратов. Однако подлинный цивилизационный прорыв требовал появления в космосе непосредственно человека. Весь мир с напряжением ожидал следующего решающего шага — полета космического корабля с человеком на борту. Поэтому первые же отклики в мировой прессе на гагаринский полет исчерпали все возможные превосходные степени оценки события.

Вот примеры таких высказываний. «Майору Юрию Гагарину принадлежит честь самого дерзновенного и фантастического путешествия, когда-либо предпринятого человеком. Это первый замечательный шаг человечества к звездам. Величие этого достижения ошеломляет» (из передовой газеты «Ивнинг стандард», Великобритания). Директор департамента метеорологии д-р Наган (Пакистан) заявил, что «теперь человек перешел границы космоса... Два-три года назад... это было фантастической мечтой, теперь — это осуществленная реальность». Человек оторвался от Земли и полетел в космос. Трудно передать словами восхищение великим советским подвигом, испытанное всем миром, писала газета «Анексартитоо типос» (Греция). «Это величайшее событие XX века, открывающее новые горизонты перед человечеством»[1].

[1] *Цит. по:* «Советский человек в космосе». — Библиотека «Известий»: специальный выпуск. М., 1961.

Сейчас невозможно поверить, какую тревогу вызывали в США успехи Советского Союза в военно-космической сфере. Президент Кеннеди в своем послании конгрессу «О положении в стране» 30 января 1961 года писал: «Еще до окончания срока моих полномочий мы должны будем заново проверить, сможет ли уцелеть страна, имеющая такую организацию и такую систему правления, как наша. Отнюдь не может быть уверенности, каков окажется результат»[2]. И это было еще до полета Гагарина!

[2] *Цит. по:* **Д. Клиланд, В. Кинг.** Системный анализ и целевое управление. М., 1974. С. 10.

И разумеется, бурю ликования гагаринский полет вызвал у советского народа. Партийное руководство постаралось максимально использовать этот полет как идеологический, политический, технический и социально-культурный бренды. По условиям того времени культурно-ценностное пространство, в котором развертывался символизм этих брендов, — это коммунизм, советский человек, мудрое руководство партии и т. п. — все, что обобщенно можно назвать парадигмой «побеждающего строя». В частности, книжка с первыми материалами о гагаринском полете была озаглавлена: «Советский человек в космосе». Первый разворот страниц: «...величайшая победа нашего строя, нашей науки, нашей техники, нашего мужества». Подпись под первой фотографией (Гагарин и Хрущев на трибуне): «Дорогу к звездам пролагают коммунисты». Под парадигму «побеждающего строя» строились все выступления на заданную тему — от первых сообщений ТАСС до интервью с причастными к событию лицами.

В сообщениях ТАСС говорилось о *«хорошем самочувствии»* космонавта (трижды на одной странице текста), о том, что *«полет протекает нормально»*,

о соответствии этапов полета запланированной программе, о «благополучной посадке корабля "Восток" в заданном районе Советского Союза». Первое сообщение изобилует точными цифрами: параметры орбиты с точностью до километра и угол ее наклона с точностью до минуты градуса, вес корабля с точностью до килограмма, частоты радиопередатчиков до тысячной доли мегагерца, моменты полета с точностью до минуты времени... В целом все это было вполне уместным и соответствующим действительности; однако тексты составлялись так, чтобы у людей создалось впечатление о, например, приземлении *самого корабля* с находящимся *в нем* космонавтом *в заранее просчитанной точке* земной поверхности.

Эта «информация по умолчанию» в дальнейшем поддерживалась предписаниями и ограничениями, которые не мог преодолеть и сам первый космонавт. Так, на пресс-конференции, посвященной осуществлению полета, Юрию был задан вопрос: «Если Вас, семейного человека, отца двух детей, послали в космос, значит, правительство и Вы были уверены, что полет кончится благополучно?» Космонавт ответил: «...что все сработает и полет будет проведен успешно, в этом никто не сомневался — ни наше правительство, ни ученые, ни инженеры, не сомневался и я».

Книга «Дорога в космос», написанная московскими журналистами С. Борзенко и Н. Денисовым на основе бесед с Гагариным (и, разумеется, инструкций партийных идеологов), содержала много информационного материала о жизни космонавта. Но само описание полета строилось, по ироничному замечанию саратовского краеведа и писателя Владислава Каца, по припеву известной песенки: «Все хорошо, прекрасная маркиза!» «Поэтому, — пишет он в своей повести о первом космонавте, — неудивительна реакция многих читателей относительно космического полета — дескать, ничего там сложного и не было. Гагарин 108 минут наслаждался космическими пейзажами, словно на колесе обозрения»[3]. Подобная информация, с одной стороны, создавала иллюзию пассивности самого космонавта и случайности павшего на его долю выбора, сделанного другими людьми; а с другой — рисовала его в качестве безупречного и бездумного исполнителя воли коммунистического режима.

[3] **И. В. Кац.** Именно с Саратовом... Док. повесть. Саратов, 1998. С. 71.

Первоначально все компоненты имиджа первого космического полета «работали» на Гагарина: цивилизационный прорыв в космос (реализация вековой мечты человечества), потрясающее техническое достижение, олицетворение успехов «побеждающего стоя». Ряд лет не было более популярного человека на Земле. Он был желанным гостем глав государств и правительств, участником всевозможных общественных мероприятий, центром внимания на запланированных и спонтанных встречах с людьми всех возрастов и состояний. Популярности Юрия немало способствовали его биография и личностные качества: скромность, простота общения, особое обаяние — ставшая известной на весь мир «гагаринская улыбка». Произнесенное Гагариным при старте «Востока» и прозвучавшее в эфире слово «Поехали...» стало символическим выражением

о соответствии этапов полета запланированной программе, о «благополучной посадке корабля "Восток" в заданном районе Советского Союза». Первое сообщение изобилует точными цифрами: параметры орбиты с точностью до километра и угол ее наклона с точностью до минуты градуса, вес корабля с точностью до килограмма, частоты радиопередатчиков до тысячной доли мегагерца, моменты полета с точностью до минуты времени... В целом все это было вполне уместным и соответствующим действительности; однако тексты составлялись так, чтобы у людей создалось впечатление о, например, приземлении *самого корабля* с находящимся *в нем* космонавтом *в заранее просчитанной точке* земной поверхности.

Эта «информация по умолчанию» в дальнейшем поддерживалась предписаниями и ограничениями, которые не мог преодолеть и сам первый космонавт. Так, на пресс-конференции, посвященной осуществлению полета, Юрию был задан вопрос: «Если Вас, семейного человека, отца двух детей, послали в космос, значит, правительство и Вы были уверены, что полет кончится благополучно?» Космонавт ответил: «...что все сработает и полет будет проведен успешно, в этом никто не сомневался — ни наше правительство, ни ученые, ни инженеры, не сомневался и я».

Книга «Дорога в космос», написанная московскими журналистами С. Борзенко и Н. Денисовым на основе бесед с Гагариным (и, разумеется, инструкций партийных идеологов), содержала много информационного материала о жизни космонавта. Но само описание полета строилось, по ироничному замечанию саратовского краеведа и писателя Владислава Каца, по припеву известной песенки: «Все хорошо, прекрасная маркиза!» «Поэтому, — пишет он в своей повести о первом космонавте, — неудивительна реакция многих читателей относительно космического полета — дескать, ничего там сложного и не было. Гагарин 108 минут наслаждался космическими пейзажами, словно на колесе обозрения»[3]. Подобная информация, с одной стороны, создавала иллюзию пассивности самого космонавта и случайности павшего на его долю выбора, сделанного другими людьми; а с другой — рисовала его в качестве безупречного и бездумного исполнителя воли коммунистического режима.

[3] **И. В. Кац.** Именно с Саратовом... Док. повесть. Саратов, 1998. С. 71.

Первоначально все компоненты имиджа первого космического полета «работали» на Гагарина: цивилизационный прорыв в космос (реализация вековой мечты человечества), потрясающее техническое достижение, олицетворение успехов «побеждающего стоя». Ряд лет не было более популярного человека на Земле. Он был желанным гостем глав государств и правительств, участником всевозможных общественных мероприятий, центром внимания на запланированных и спонтанных встречах с людьми всех возрастов и состояний. Популярности Юрия немало способствовали его биография и личностные качества: скромность, простота общения, особое обаяние — ставшая известной на весь мир «гагаринская улыбка». Произнесенное Гагариным при старте «Востока» и прозвучавшее в эфире слово «Поехали...» стало символическим выражением

мужества и самообладания. Во всем этом был и элемент моды — мировой моды на космонавтику, на полет в космос, на Гагарина.

Все это обеспечило первому космонавту мировую известность и славу, скорее всего просто недостижимую для какого-либо конкретного человека в ближайшем обозримом будущем. Однако удержаться на такой высоте бесконечно долго в принципе было невозможно. Все составляющие имиджа Гагарина в общественном сознании со временем претерпели эрозию. И конечно, сейчас уже не приходится говорить о моде на Гагарина. Мода переменчива в принципе, и она давно нашла новых героев и кумиров. Сейчас у некоторых людей даже возникает раздражение: «Опять о Гагарине? Сколько можно о нем говорить, давно все сказано!»

Деструкция образа

Валентин Лебедев, член-корреспондент РАН, директор Научного геоинформационного центра РАН, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, участник рекордной по длительности экспедиции (211 суток) на орбитальной станции «Салют-7», написал в 2006 году статью, фактическим содержанием которой являются размышления о судьбе гуманистической составляющей прорыва человечества в космос[4]. В ней он приходит к грустному обобщению: «Ответив на вопросы, как выглядит Земля со стороны, каковы ощущения космоса и как оттуда смотрится бездна Вселенной, космонавты удовлетворили многовековое любопытство людей. На этом живой диалог человека с космосом закончился, и мы сосредоточились на возможностях развития техники, а над своим предназначением как разумных существ так и не задумались. В результате человек оказался приложением к технике, исключив себя из процесса познания. Кроме обустройства жизни в невесомости рывка в знаниях не получилось... До сих пор мы не можем определиться, ради чего мы туда идем и что нас там ждет».

[4] *См.* **В. Лебедев.** Психология человека в космосе. — «Независимая газета». 08.02.2006.

Анализ духовных завоеваний, к сожалению, так и не стал существенной компонентой осмысления первого этапа проникновения человека в космос. Современное состояние мировой цивилизации, ориентирующее прежде всего на удовлетворение материальных потребностей общества, выводит на первый план техническую составляющую цивилизационного прорыва. А это, в частности, означает, что имидж полета Гагарина как выдающегося технического достижения вскоре потускнеет перед последующими шагами в развитии бурно прогрессирующей космической техники. Уже полет Германа Титова по числу сделанных витков вокруг Земли в семнадцать раз превзошел гагаринский. Со временем стало казаться: что за достижение — полетать над Землей чуть выше самолета! То ли дело американцы: высадились на Луне и посылают аппараты в расчетную точку на поверхности Марса. Сегодняшние успехи космонавтики в сравнении с техникой первого полета выглядят, как современный воздушный лайнер относительно «летающей этажерки» братьев Райт, способной скорее даже не на полет, а лишь на прыжок в воздухе.

Отрицательные последствия для имиджа первого космонавта имела и его основанность на парадигме «побеждающего строя», также содержавшей перекос в пользу технократического понимания мира. Краски этой парадигмы в образе первого космического полета не просто полиняли и выцвели, но с крушением самого «побеждающего строя» приобрели отчасти отрицательные оттенки. Стихийная трансформация этих образов проходит под знаком критики их идеологического содержания, раскрытия ранее закрытой информации, «разоблачения» намеренных искажений и умолчаний, а также наслоившихся многочисленных «мифов».

Выясняется, что Гагарин приземлился в сотнях километров от расчетной точки (сейчас известно, что она находилась в 110 километрах южнее Волгограда[5]) и на парашюте, подобно летчику, потерпевшему аварию в воздухе, отдельно от контейнера, наполовину расплавившегося в атмосфере и расколовшегося при ударе о землю. Полет сопровождался обрывами связи, рядом непредусмотренных сбоев техники перед полетом, в самом полете и особенно при приземлении, когда ситуация оказывалась на грани критической[6]. К тому же стало известно, что из семи пробных пусков корабля «Восток» с манекенами и животными на борту четыре закончились авариями[7]. А это означало, что реальные шансы Гагарина вернуться живым были около 50 процентов.

[5] *См.* **В. Терешкова.** Такого праздника нет больше нигде. — «Саратовская областная газета». 14.04.2009.

[6] *См.* **Н. Н. Непомнящий.** Тайны советской эпохи. От Хрущева до Горбачева. М., 2003. С. 187—192.

[7] *См.*, например: **Н. Ячменникова.** Иван Иванычи обогнали Гагарина. — «Союз Беларусь—Россия». 12.04.2007.

Однако эта «негативная», полная драматизма информация привела не к возвышению творческого подвига советского (российского) народа — как это должно было бы произойти по мере выявления масштаба цивилизационного прорыва, — а его качественному снижению. В результате сконцентрированности преимущественно на технической стороне дела полет как бы потерял статус цивилизационного прорыва, ценностно изменяясь в сторону рядового, к тому же не совсем удачного, события. Образ (имидж) Гагарина постепенно снижался в ранге от героя всего человечества до чуть ли не жертвы обанкротившегося режима; на это сыграли и не до конца проясненные обстоятельства и причины гибели первого космонавта 27 марта 1968 года.

Позитивным, казалось бы, направлением эволюции образа первого космонавта стало его «очеловечение» — от воспевания его знаменитой улыбки до упоминания развязавшихся шнурков на ботинках, когда Гагарин шел по красной дорожке, проложенной к Мавзолею. Но в отсутствие гуманистического осмысления подвига это очеловечение оборачивается *бытовизацией* образа первого космонавта. Прекрасно, что он проявил себя любящим мужем, заботливым отцом, чутким товарищем; но разве только за это в него влюбился буквально весь мир 1960-х годов?! Замечательно, что его отец был колхозным столяром, а первая специальность — формовщик-литейщик после окончания ремесленного училища; но не за это же помещают в энциклопедии!

В бытовизации образа героя космоса российская пресса нередко «мельчит» его, а порой доходит до намеренного искажения и опошления; примеры приводить не хочется. Еще одно направление эрозии образа первого космонавта связано с появлением в годы реформ очернителей всего советского и коммунистического, которые видят в принижении образа Гагарина способ еще раз «посчитаться» с ненавистной им социальной системой. Некоторые либералы не отказываются от российского (советского) приоритета в области полетов человека в космос, но прохладно относятся к самому космонавту, оставляя его как символ успехов бывшего СССР в руках нынешних коммунистов. Не случайно именно коммунистическая печать более участливо отозвалась на юбилей Гагарина, чем остальная пресса.

Все сказанное означает: что-то чрезвычайно важное мы теряем...

Юрий Гагарин: деконструкция образа

«Как явствует из самого слова, *деконструкция* сочетает негативное и разрушительное *"де"* с подчеркивающим преемственность *"кон"»*[8]. Иначе говоря, это такая работа над образом, претерпевшим эволюцию и эрозию относительно начального состояния, которая преодолевает наличное состояние и создает обновленный образ, удерживающий все самое ценное, что было в первоначальном образе.

[8] «Современный философский словарь». М., Бишкек; Екатеринбург, 1996.

Очевидная переоценка образа Гагарина следует из углубленного понимания специфики космического цивилизационного прорыва. В структуре деятельности по осуществлению космического проекта определилась особая роль *конечного исполнителя* как человека, на которого работает *вся* огромная пирамида усилий рабочих, техников, инженеров и ученых, организаторов и политиков. Эта роль может быть выражена понятной человеку восточной культуры метафорой «зрачок дракона». Традиционный китайский художник завершает картину с изображением дракона одним точным мазком черной туши, становящимся зрачком в глазу чудовища. Этот мазок становится заключительным моментом создания картины, без которого дракон слеп, а картина – не закончена. Вот почему на роль первого космонавта планеты, в «глаз дракона», никак не мог попасть случайный человек.

Важнейшей компонентой *героизма* космонавта является не только и не столько готовность подвергнуть риску собственную жизнь, сколько готовность взять на себя *ответственность* за полет (по меньшей мере за отсутствие срыва по вине космонавта) как за конечный успех всего проекта. Разумеется, в акте полета присутствует и героизм в обычном смысле слова. Ранняя космонавтика вообще представляла собой зону огромных рисков: для жизни и здоровья непосредственных участников физических событий; для творческих репутаций ученых и конструкторов; для жизненных карьер идеологов, политиков и организаторов; для имиджа режимов и правительств, рисков колоссальных неоправданных финансовых, материальных и интеллектуальных затрат народов и

государств и т. д. Особой областью высокого риска, а следовательно, и проявления геройства был сам полет; в определенной мере он до сих пор таким и остается. Следует при этом отметить и специфический риск претендента на полет в космос — отдать все для реализации своей мечты, но не осуществить ее по случайным обстоятельствам. Так, по разным причинам никогда не полетели в космос товарищи Гагарина по первому отряду космонавтов Г. Нелюбов, И. Аникеев, Д. Заикин, В. Филантьев.

В обычной жизни отбор героев очередного цивилизационного прорыва осуществляется стихийно. Только мы, концентрируя свое внимание на победителе, часто не видим его менее успешных предшественников. Например, начиная со времен Древнего Египта интригующей загадкой для человечества было обнаружить истоки Нила. Воды этой реки, текущей среди пустыни и на многие сотни километров не имеющей притоков, были источником жизни для египтян; в мифах они представлялись падающими с неба. А со временем проблема истоков Нила — самой длинной реки планеты — стала волнующей задачей географических исследований. За долгие века решить ее пытались многие. Но только в 1858—1863 годах экспедиция Дж. Спика и Дж. Гранта обнаружила реку Виктория — Белый Нил, основной исток Нила. А сейчас более точно считающаяся истоком Нила река Кагер, впадающая в озеро Виктория, была исследована Г. Стенли в 1875—1877 годах. Разве это не отбор героев самой историей?

В первые отряды космонавтов и астронавтов, а потом внутри них за место первооткрывателя осуществлялся многоступенчатый отбор. Из всего контингента летчиков и курсантов летных училищ — три тысячи готовых посвятить жизнь освоению новой для человечества области деятельности, участвовать в создании еще не существующей профессии. Из этого числа — двести пятьдесят лучших перед комиссией, непосредственно отбирающей двадцать человек для комплектования первого отряда космонавтов. А далее — строгий отбор в процессе учебы и тренировок участников первых полетов. Шестеро самых лучших, потом двое самых достойных из них. И наконец выбор человека, на которого можно возложить ответственность за конечный успех всего колоссального космического проекта. Можно случайно сорваться в восхождении на пик славы первооткрывателя космоса, но ни в коем разе нельзя случайно на нем оказаться. Такая судьба случайно сорвавшегося стала участью Григория Нелюбова, завершившаяся трагедией — гибелью под колесами поезда в феврале 1966 года одного из бывших наиболее успешных претендентов на первый полет.

Главные вопросы, на которые должна была получить ответ космонавтика на первом этапе своего развития: 1) может ли человек жить и работать в космосе и 2) может ли человек вернуться из космического полета на Землю и продолжать земную жизнь. Второе не следовало автоматически вслед за первым. Начиная со времени запуска первого спутника в 1957 году, когда еще не умели возвращать космические аппараты на Землю, в адрес советского правительства от энтузиастов поступали заявления: «Прошу отправить меня в космос без возможности возвращения». Руководство космическими полетами, разу-

меется, не могло пойти по этому пути, но полет «без возврата» легко мог получиться помимо его воли. Специфика космонавтики такова, что возвращение человека из космоса еще сложнее, чем отправка туда. Самолет с отказавшим двигателем в принципе может спланировать и совершить аварийную посадку на грунт, автостраду, на воду... А космический корабль при подъеме набирает скорость, быстро покидая плотные слои атмосферы, но при приземлении погружается в них, испытывая нарастающее трение и угрозу полного сгорания. Большинство катастроф в космосе имело место именно при спуске космического корабля — от гибели В. Комарова 24 апреля 1967 года до трагедии американского челнока «Колумбия» 1 февраля 2003 года, унесшей семь жизней. Вот почему полет Гагарина содержит не одно, а *два* прорывных события: выведение на орбиту комического корабля с человеком на борту и возвращение его из космоса на Землю.

У вопроса о полете в космос, взятого в целом, есть две взаимосвязанные стороны. Первая: как должно быть организовано, оборудовано и обустроено отправление человека в космос, пребывание в нем и возвращение на Землю, какая *техника* может все это обеспечить? И вторая сторона: каким должен быть сам *человек*, отправляющийся в космос и возвращающийся из него; какие у него должны быть природные данные; как они могут и должны быть развиты, тренированы, доведены до навыков, умений, совершенного владения сложной космической техникой, до сознательного управления своим поведением в космосе?

Сделанное в исследовании космоса с помощью технических аппаратов, макетов, имитирующих состояние человеческого организма, и подопытных животных было необходимым, но принципиально недостаточным предварительным этапом в ответах на вопросы. Никто, например, не мог сказать заранее: не пропадет ли аппетит у человека в состоянии длительной невесомости? Вот почему такой радостью для ученых было узнать, что Гагарин в полете в назначенное время с удовольствием использовал приготовленное для него питание — щавелевое пюре с мясом, мясной паштет и шоколадный соус.

Только участие живого человека в колоссальной программе исследований, рискованных экспериментов и испытаний, осуществленной еще *до* первого полета человека в космос, могло приблизить этот полет. Область знания, по традиции называемая космической медициной, по сути, является частью более обширной сферы, которую условно можно назвать «космическим человековедением». В ее разработке принимали и принимают участие не только медики, но и физиологи, психологи, специалисты по многим социальным и поведенческим дисциплинам. Подготовка первой когорты космонавтов представляла собой исследование возможностей организма, психики человека и их развития применительно к космическим полетам — с помощью соответствующих устройств, медицинской аппаратуры и применяемых методик. Но одновременно это было и исследованием, проверкой и отработкой самих этих устройств, аппаратуры и методик — с помощью состояний организма испытуемого человека, его

психики и поведения. Не случайно во многих экспериментах и исследованиях испытуемый имел право прекратить его в любой момент. Не все испытания и тренировки были безопасными для жизни и здоровья космонавтов. Валентин Бондаренко погиб в испытательной барокамере 23 марта 1961 года, три астронавта США 27 января 1967 года сгорели при пожаре в кабине корабля «Аполлон» при предполетной тренировке. На ноябрь 2005 года из 99 российских и советских космонавтов — людей железного здоровья — двадцати двух уже не было в живых[9].

[9] *См.* **Г. Митин.** Вспомним поименно. — «Независимая газета». 22.11.2005.

О необходимости живого участия человека можно сказать и относительно технической составляющей космических проектов. Огромное число научно-исследовательских, конструкторских и промышленных организаций трудилось в конечном счете для того, чтобы человек сел в космический корабль и совершил полет. А первые космонавты — это и есть те люди, которые должны были «принять» разработанную и изготовленную для них технику, оценить ее как пригодную для использования по назначению и освоить. В этом смысле космонавты — не только пользователи, но и *соавторы* космической техники, в живом контакте с конструкторами, инженерами и техниками помогающие ее развитию и совершенствованию. Любые предложения и пожелания космонавтов немедленно рассматривались и (там, где это подтверждала техническая целесообразность) внедрялись в практику.

Вот почему первыми космонавтами могли быть только люди с душой первопроходцев, воспринявшие и реализовавшие своими жизнями стремление человечества подняться в звездное небо. Первые космонавты, отобранные из лучших летчиков, ради этой идеи оставили свои части и хорошие перспективы, чтобы с нуля создавать и осваивать небывалую и опасную профессию летчика-космонавта. Такое понимание жизни первых космонавтов как непрерывного подвига — до полетов, в полетах, после полетов — не оставляет места для наивных представлений о живом манекене в кабине космического корабля.

Почему Гагарин?

При всех физических и психофизических экспериментах Гагарин показывал выдающиеся результаты. Например, при испытаниях на пребывание в невесомости он демонстрировал наиболее эффективный для действий в космосе тип реакции, свойственный только одному проценту испытуемых! «Получается, что даже в плане психофизики Гагарин был уникальным человеком», — делает свое заключение академик Леонид Китаев-Смык, руководивший в свое время группой врачей-исследователей[10]. В пользу Гагарина и Титова, летавших на «Востоках» — первенцах отечественной космонавтики, сыграл даже их невысокий рост; это позволило оснастить кабину корабля бóльшим количеством исследовательской аппаратуры.

[10] *См.* **С. Грачев.** Гагарин не вписался в систему. — «АиФ». 2006. № 15.

Но сколь бы ни были благоприятными для специальности космонавта природные данные претендента на полет, они требуют огромных усилий по их развитию. Поэтому полет есть и вершина пирамиды собственной работы космонавта, результат его воли и целеустремленности. Всем космонавтам требовалось немалое мужество, чтобы поддерживать на высочайшем уровне физическое состояние, подвергаясь перегрузкам и медицинским экспериментам; упорно и творчески осваивать сложнейшую технику, участвуя в ее испытаниях и совершенствовании; избегать всех жизненных соблазнов, могущих увести с намеченного пути; быть в постоянной готовности к подвигу, каким был любой космический полет. Горячо желая оказаться «космонавтом номер один» (а если нет, то хотя бы «два», «три» и т. д.), каждый космонавт фактически участвовал в жесточайшем соревновании, понимая, что любой недочет может отодвинуть его в неявной, но реально существующей и постоянно уточняемой очереди на полет.

Но это было соревнованием особого типа, где претендент на первое место, открыто и прямо это демонстрирующий («тянущий одеяло на себя»), неминуемо бы проиграл. Отряд первых космонавтов был только верхним относительно близости к собственно полетам звеном огромной системы, в которой так или иначе участвовала вся страна (даже люди, предельно далекие от космического проекта, фактически в нем участвовали, поступаясь в его пользу частью своих жизненных ресурсов). Система требовала, чтобы весь отряд космонавтов выступал в ней *как единое целое*, спаянное общим порывом и глубокими личными симпатиями. Это целое питалось воодушевлением всей системы, и его состояние в свою очередь являлось своего рода ферментом, влияющим на эффективность всей системы в ту или иную сторону. Так дружное и сотворческое освоение новых образцов техники в отряде ускоряло работу ученых, конструкторов, инженеров. А с другой стороны, серьезный раздрай в отряде космонавтов мог бы задержать первый полет на пару месяцев, и тогда первыми в космосе могли оказаться американцы.

Атмосферу в отряде космонавтов можно прояснить с помощью такой развернутой метафоры. Представим себе команду первовосходителей на ранее не доступную горную вершину. Только дружная и слаженная работа всех альпинистов может привести к тому, что группа сумеет разбить последний перед вершиной лагерь и подготовить решающий штурм. И далее допустим, что по условиям восхождения на самой вершине может оказаться только один человек. Ясно, что это должен быть выдающийся по своим спортивным качествам альпинист. Но, кроме того, он обязательно должен быть любимым и уважаемым членом группы, кому вся команда захочет доверить честь поставить победную точку в коллективных усилиях восходителей, а также тех, кто помогал в подготовке экспедиции.

Отсюда вторая, менее очевидная, но не менее важная сторона отбора в герои космоса — по социальным, коммуникативным и имиджевым качествам, искусству командного игрока, умению привлекать к себе симпатии людей. Вся

литература о первом космонавте полна упоминаний о его выдающихся человеческих качествах, однако они считаются как бы желательным, но отнюдь не обязательным дополнением к профессиональным. Концентрация внимания на них в отрыве от всего комплекса объективных требований к первому космонавту планеты и привела со временем к бытовизации образа Гагарина в общественном сознании, о которой мы говорили выше.

Космонавта № 1 и его дублера определила государственная комиссия, но она не могла не учитывать мнения всего отряда. Как пишет руководитель группы Е. Петров, при объявлении решения комиссии в глазах друзей Юрия «не было ни тени, ни облачка обиды или зависти». Еще раньше «каждый внутренне решил: "Лететь Юре"»[11]. Через много лет жена Титова Тамара вспоминает: «Да, Герман по-человечески расстроился, что его назначили запасным. Кто-то придумал глупость, что, мол, для Германа этот момент стал самой большой трагедией в жизни. Ничего подобного! Юра был настолько чистым, добрым, с исконно русским характером человеком, что никто ему не мог завидовать»[12].

[11] **Е. Петров.** Космонавты. Записки руководителя группы. М., 1962. С. 105.

[12] *Цит. по:* **В. Оберемко.** Человек, который родился вовремя. — «АиФ-Саратов». 2009. 04—10.2003.

Разумеется, Юрий Гагарин не всегда и не во всем был первым; в частности, в знании и понимании техники он уступал Герману Титову. Но по всей совокупности (комплексу) профессиональных, социальных и человеческих качеств, необходимых для первого полета, их качеству и *сбалансированности* Юрий оказался лучшим среди своих товарищей. Верно, однако, и другое: «любая царапина в организме» (выражение Юрия) могла вызвать его замену Титовым в самый последний момент. Но нелепо отрицать в связи с этим выдающихся достижений самого Гагарина. Это все равно, что отказать в лаврах первовосходителю на вершину на том основании, что перед последним рывком он *мог* повредить себе ногу и тогда первым на штурм высоты пошел бы не он, а второй по силе член команды.

Гагарин и Титов были сильнее других как кандидаты на полет — на этом сходятся все воспоминания. Притом Герман был в технике сильнее Юрия — это тоже достаточно известно. На основании этого и возникло нелепое суждение, вынесенное в лихой газетный заголовок: «Гагариным рискнули. А Титова тогда приберегли до более сложного полета»[13]. Газета опирается на дневниковые записи Николая Каманина — помощника Главкома ВВС по космосу, и сегодняшние комментарии его сына — Льва Каманина: «Титов пусть ненамного, но более подготовлен для полета в космос. Но именно это и сделало космонавтом № 1 Юрия Алексеевича. Дело в том, что параллельно уже шла подготовка к следующему полету, который должен был продлиться целые сутки. Соответственно, это — намного сложнее. Поэтому Гагарина решено было послать в первый полет — как в более простой, а Титова сберечь для второго».

[13] **В. Оберемко.** Гагариным рискнули. А Титова тогда приберегли до более сложного полета. — «АиФ». 2009. 08—14.2004.

Это яркий пример чисто технократического мышления, где человек есть лишь приложение к техническим системам. Если *«Гагариным рискнули»*, значит:

в случае чего его не так будет жалко, как технически более подготовленного Титова. А если все будет в порядке, то Титов окажется «лишенным» звания космонавта № 1 и всемирной славы из-за мизерного технического преимущества (оба космонавта готовились одинаково и по всем испытаниям имели оценки «отлично»). Кого более — Гагарина или Титова — унижают подобные рассуждения?

Давайте осознаем, чем был первый полет. Это было *первое испытание человека космосом* — при помощи (посредством) наличной техники. Здесь важно было убедиться в принципе: может ли человек быть (пребывать) в космосе? Полной уверенности в этом не было: в управление кораблем с Земли был заложен секретный код на случай, если космонавт потеряет сознание или впадет в психоз. Все в первом полете подчинено обозначенной цели, в том числе и минимальная загрузка космонавта техническими заданиями. Но и этой минимальной хватило, чтобы у Гагарина была загружена любая из 6480 секунд полета. Он поддерживал постоянную телефонную, телеграфную и радиосвязь, следил за показаниями приборов, вел судовой журнал, провел ряд предписанных действий и экспериментов. И все это впервые в условиях космического полета, который предложил Юрию ряд и не предусмотренных программой испытаний. Отделение спускаемого аппарата от приборного отсека произошло с десятиминутной задержкой. В это время корабль крутило как юлу: «голова—ноги» — так, что дух захватывало. Юрий еле успевал отклоняться от острых лучей солнца, бьющих в иллюминатор. Гагарин первым увидел языки пламени, оплавляющие стекло иллюминатора при торможении в атмосфере, казавшиеся тогда (это потом уже к этому привыкли) предвестниками смерти. Запасной парашют раскрылся не сразу, а на одном основном скорость приземления была слишком велика[14]...

[14] *См.* **А. Милкус.** Знаете, каким он парнем был? — http://kp.daily/ 24256/ 45394/

Кого надо было отправить в такой полет? Человека с выдающимися психофизическими данными, уникальным поведением в невесомости, с железными нервами и чувством высочайшей ответственности за общее дело, заставляющей полностью забыть себя в стремлении выполнить порученное. Таким и был Юрий. Накануне полета он спросил у Каманина: «Николай Петрович, почему у меня такое необычное состояние? Завтра мне лететь, но я не чувствую никакого беспокойства?» Авторы газетной заметки воспроизводят запись из дневника Николая Каманина от 11 апреля 1961 года: «Завтра совершится величайший подвиг. И совершит этот подвиг скромный советский человек в форме старшего лейтенанта ВВС Гагарин Юрий Алексеевич. Его имя уже никогда не забудет человечество». Разве это писано о человеке, которым решили «рискнуть»?

Авторы заметки все же правы в том, что одновременно готовились два полета. Второй совершился через четыре месяца (по условиям подготовки на стартовом комплексе это сразу же вслед за первым). С точки зрения комплекса задач это был как бы единый, сдвоенный полет, состоявший из частей 1.1 и 1.2. В части 1.1 исследовалось самое главное: может ли человек слетать в космос и вернуться на Землю? А в части 1.2 центр тяжести исследования был перенесен

на технику — на проверку ее дополнительных возможностей, в частности — перехода на ручное управление. Для каждой части выбран наиболее подходящий исполнитель — только и всего. Но это — нисколько не повод принизить Гагарина («рискнули», мол, им, не поберегли). Наоборот, мы можем в бóльшей степени оценить *подвиг Титова*: он тоже по-своему был первым. Правда, человечество в нумерации космонавтов числа 1.2 не признает, и Герман навсегда останется космонавтом № 2 — тут уж ничего не поделаешь.

Зачем мы идем в космос?

Чем с более высокой гуманистической позиции мы смотрим на первых покорителей космоса, тем более значимым для человечества представляется их подвиг. Это позиция, на которой конкуренция социальных систем, соревнование наций и государств отходят на второй план, а космонавты и астронавты всех стран выступают как представители «побеждающего (в космосе) человечества». При такой интерпретации соперничество СССР и США выступает как соревнование (с взаимными «вызовами» как стимулами цивилизационного развития для каждой из сторон) в рамках движения к общей цели: осуществить прорыв человечества в космос. На этом уровне борьба оказывается *с ненулевой суммой*: кто бы ни выдвинулся вперед, все человечество, в том числе и оба участника соревнования, в конечном счете останутся в выигрыше. Через эмоции азартной гонки (кто будет первым?), конфронтационные установки «холодной войны» и у нас, и за океаном пробивалось понимание всечеловеческой значимости происходящего. «Мы пришли с миром от всего человечества», — написано на вымпеле, оставленном американцами на Луне 21 июля 1969 года.

Вдохновение от причастности к решению величественной цели проникновения Человека в космос захватывало всех участников космических проектов. «Мы стоим небольшой группой, километрах в трех от стартовой площадки», — пишет Герман Титов о первом космическом старте. «Напряжение достигло предела. Какая-то тяжесть давит плечи. Нет, тяжесть не физическая. Кажется, будто сама вековая история человечества стоит за нашими спинами и сурово смотрит на нас, ожидая ответа: чем же, чем мы сейчас отчитаемся за все сделанное Человеком, прошедшим такой долгий и трудный путь от каменного ножа до небывалого корабля-спутника?»[15]

[15] **Г. Титов.** Семнадцать космических зорь. Автобиографическая повесть. М., 1962. С. 4.

В упомянутой ранее статье космонавт Валентин Лебедев говорит о героях XX века, в одиночку пробивавшихся к полюсу и на лодке переплывавших океан. «Каждая такая попытка — это прежде всего стремление к познанию себя, а потому все их ощущения, осмысление необходимости поставленной цели интересны и захватывающи для всех на планете». «Этот психологический посыл должен быть присущ и тем, кто отправится в глубины космоса», — продолжает автор, имея в виду будущие экспедиции на Марс[16]. И тем более этот посыл был присущ тем, кто только прокладывал путь в космос, совершал в нем первые шаги.

[16] **В. Лебедев.** Психология человека в космосе. — «Независимая газета». 08.02.2006.

Гагарин говорил о своих товарищах по отряду: «Славные подобрались у нас ребята... Есть одно, что роднит всех, — это стремление стать настоящим летчиком, настоящим космонавтом. Космос зовет всех! И будет звать. Как вечный зов»[17]. Сам Юрий с юношеских лет активно интересовался авиацией и космосом. Еще обучаясь в Саратовском индустриальном техникуме, он в физико-техническом кружке сделал доклад на тему «К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях»[18]. В те же годы он нашел и свой путь в небо — через саратовский аэроклуб, а далее — через Оренбургское летное училище.

[17] *Цит. по:* **И. И. Касьян.** Почему Гагарин? — «Земля и вселенная». 1991. № 2.

[18] *См.* **Ю. Песиков.** Учитель Гагарина. — «Саратовская панорама». 09—15.04.2008.

Не как заготовленные, а как идущие прямо от сердца звучат слова, с которыми Юрий обратился к провожающим перед тем, как подняться в кабину космического корабля: «Что можно сказать в эти минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито прежде, было сделано ради этой минуты. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания, понимая ответственность задачи. Я сделаю все, что в моих силах... Я говорю вам, дорогие друзья, до свиданья! — как всегда говорят друг другу люди, отправляясь в далекий путь. Как бы мне хотелось вас обнять всех, знакомых и незнакомых, далеких и близких»[19].

[19] *Цит. по:* **И. И. Касьян.** Почему Гагарин?

Первые космонавты увидели из космоса то, что их глазами должно было увидеть все человечество: как мала наша планета, которую можно облететь за сотню минут; как мало не ней места для войн между государствами, народами, цивилизациями; как она беззащитна и нуждается в наших совместных действиях! Такое отношение выразил космонавт Владимир Джанибеков, говоря о героях писателя-фантаста Ивана Ефремова: «Они остро чувствуют, отрываясь от Земли, хрупкость и нежность нашей маленькой голубой планеты, ее зависимость от нас, людей, от нашей воли... Они улетают в космос, но отчетливо осознают, что Земля — тоже часть космоса, остров в океане звезд, светящийся голубизной морей, зеленью лесов, переливами цветущих полей и лугов»[20].

[20] **В. Джанибеков.** Мост над рекою времен. — «Комсомольская правда». 25.04.1982.

Но, к сожалению, человечество пока этого не увидело. Вопрос, для чего мы идем в космос, остается открытым.